

Мне уголовники пишут: «Только выйдем, сразу НАГРЯНЕМ К ТЕБЕ...»

Комсомольская правда. - 1997. - 30 апр. - 7 мая. - с. 7
**Настя никогда не обращается за помощью к своей знаменитой родственнице -
Светлане Немоляевой, расписывает старую мебель и счастливо живет
со своим мужем Исидзима Цутому**

...КОГДА-НИБУДЬ Настя Немоляева обязательно сыграет булгаковскую Маргариту или гоголевскую Панночку. Несмотря на русые волосы и личико московской барышни-крестьянки, есть в этой характерной героине и лихость, и чертовщинка, и покорность, от которой тащатся все мужчины. Особенно режиссеры, нещадно эксплуатирующие Настину внешность. В «Курьере» Шахназарова она была длинноногой студенткой Машей, в «Интердевочке» - красавицей Лялкой. Еще в нескольких известных фильмах - современной, вызывающей, стильной. Девочкой с подиума, готовой моделью. От этого женского счастья Настя отказалась легко. И теперь играет Аглаю в «Идиоте» - спектакле Сергея Женовача в Театре на Малой Бронной. Играет так, что публика плачет. А после спектакля зал встает...

- Настя, с такой известной фамилией, наверное, нетрудно было пробиться в актрисы?

- Совсем наоборот. После школы я поступала в Шуйкинское училище к Катину-Ярцеву, во МХАТ и в Щепкинское - к Юрию Соломину, но меня не приняли. Случайно узнала, что в ГИТИСе объявлен набор девочек и могут взять вольнослушателем. Я пришла к замечательному педагогу - Оскару Яковлевичу Ремезу и просто сказала: хочу быть у вас. Показала программу, и Ремез пообещал взять, если подготовлю еще один отрывок. И я счастливая, укатила на съемки, а когда вернулась в институт через неделю, Ремез, весь красный, тряся от крика: «Вон, чтоб я вас не видел!». Я начала плакать, разрыдалась, попросила - дайте мне возмож-

Росла очень стеснительным ребенком. И очень переживала, когда надо было выходить в круг и читать стихи на елке. Я хотела рисовать и заниматься балетом. Кстати, дядя - Сева Немоляев - известный танцор и работает в Большом театре. В 9 лет я поступала в балетное училище, но меня не приняли. И, наверное, правильно сделали, потому что с таким ростом, как у меня - 176 см, - никто не танцует. Не знаю, как все сложилось бы, если бы не фильм «Курьер», в котором я начала сниматься, когда училась в 10-м классе...

- А почему Карен Шахназаров выбрал на главную роль именно вас?

- Это вообще очень смешная история. Папа работал на картине и все рассказывал - ищем мальчика, смотрим ребят из театральных училищ, но все не то. Я ему говорю - попробуйте Федю Дунаевского, моего друга, он такой прикольный. А Федя в этот момент то ли на чердаке спал, то ли еще где-то. Он постоянно куда-то заползал. Один раз захожу, а он у меня в ванной спит. Федя Карена поразил тем, что не стал просить, что вот я у вас хочу сниматься, он просто пришел, начал - и так чесал весь фильм. И после этого Карен сказал моему отцу: а давай попробуем снимать Федьку и Настю вместе. Ну мы и попробовали, поваляли дурака, потому что знали друг друга с третьего класса. И худсовет нас не утвердил. Меня и Федю. А Карен сказал - нет, будут они сниматься.

- Фильм прошел на «ура», а приколы из него - про Агнессу Ивановну - подростки цитируют до сих пор. Как вам удалось пережить популярность?

- Легко. Мне присылали мешки писем. Стояли под окнами, кидали камни, за мной бегали все пэтэушники Москвы. Некоторые смотрели фильм по 30 раз и признавались в любви. До сих пор пишут уголовники - выйдем, обязательно нагрянем к тебе... Грузин прислал посылку из Тбилиси, очень боялась открывать - вдруг взорвется. Дыни присылали, виноград. Подкармливали.

- Это и есть слава?

- С чувством юмора у меня все в порядке, но иногда раздражает, когда подходят на улице и спрашивают: «Вы в «Курьере» снимались?». «Снималась». - «О, блин, выиграл - бутылку пива!».

- В театре у вас другое амплуа, и на сцене вы совсем другая - глаза светятся, нервный румянец на бледных щеках - настоящая героиня из театра Достоевского. И зал на вас не надыхается...

- В кино использовали мое лицо. Сложился такой стереотип лирической героини. А в театральном институте я переиграла все характерные роли. Кем только не была. Вся мразь и все низы общества - старухи, проститутки - висели на мне. И вообще у меня есть тяга к подобному лицедейству. Мы еще студентами репетировали кусочек из гоголевских «Мертвых душ», когда к нам на курс пришел Марк Захаров. Я играла Коробочку. Это была смесь Панночки и чертовщины какой-то. Я там буквально на всех скакала. Никогда в жизни не слышала, чтобы Захаров так смеялся. До обморока. До слез.

- Не отразилась потом эта бесовщина на вас, не боитесь играть такие роли?

- Нет, я ничего не боюсь. Единственное, помню, страшный был такой момент, когда мы репетировали «Самоубийцу» Эрдмана. Ночью. И стоял огромный гроб на сцене. Символический, который превращался то в трибуну, то в кровать. Я играла бабу. Мы дорепетировались до того, что внезапно

открылась дверь, по залу прошелся ветер, и я с перепугу свалилась в этот гроб. Все актеры опетели. Мы решили, что это был дух Мейерхольда, и перестали репетировать.

- А в жизни с вами тоже происходят неожиданные вещи? Я, например, совершенно случайно узнала, что в художественной галерее «Дар» готовится выставка ваших работ - расписной мебели и посуды...

- Все не случайно. Я давно начала расписывать доски, дарила их друзьям.

Потом начала расписывать бутылки. И - заскучала. Захотела делать что-то фун-

Насте Немоляевой присылают мешки писем.

даментальное, большое. Я понимала, что у меня школы нет никакой, я нигде специально не училась. По холсту не работала. Тогда я решила расписывать масляными красками мебель. Подвернулся случай, мы приехали вечером домой и нашли у подъезда облезлую и старую тумбочку 50-х годов. Я ее отмыла, пропылесосила, очистила и начала расписывать. Это было мучительно, но мне безумно понравилось, потому что получилась такая объемная картина. Силы мои на этой тумбочке закончились. А прошлым летом мы оказались с мужем в Баварии, и там в одном маленьком мебельном магазинчике я увидела расписанный вручную шикарный платяной шкаф. Я приехала домой, отшкурила свой старый облезлый шкаф и - расписала его. Потом добралась до «монашки» - комода, сращенного с буфетом. Потом принялась за сундук, расписала стулья и огромный стол. Получилась жилая комната в интерьере...

- Муж ваше увлечение поддерживает, самовыражаться не мешает?

- Нет, у нас с ним общие взгляды на кино, театр и жизнь. Меня это даже пугает. Муж учится в ГИТИСе на режиссерском факультете. Он наполовину японец и знает японский, как русский. Он театральный переводчик. Его зовут Вениамин Скальник, а по-японски - Исидзима Цутому. У него двойное гражданство. Мы познакомились, когда я снималась в очень смешном японском фильме - «Сны о России», причем без грима. Снимали японцы, и они решили, что от русских наполовину японцы получаются как раз такие, как я. В фильме играли Марина Влади и Олег Янковский. А Вениамин был переводчиком. Я уезжала в один город сниматься, он - в другой. У нас завязался телефонный роман. Мы перезванивались, а когда встретились в Москве, все стало ясно. Поженились, потом Соня родилась.

- А как Светлана Немоляева относится к творчеству племянницы - дает какие-то советы, помогает, ругает?

- Мы на эти темы с ней не говорим. И в театральные кухни друг друга не влезает. Конечно, ходим на премьеры, поздравляем друг друга. Я очень рада,

что у моего двоюродного брата, Александра Лазарева, в «Ленкоме» - главная роль в «Королевских играх» и что он на творческом подъеме. Гордится ли мной тетка? Наверное, да, хотя, когда я поступала в театральный, она отнеслась к этому крайне скептически и была удивлена. Я была слишком тихой и скромной. Зато у моей дочери - точно актерская природа. Ей четыре с половиной года, но она ничего не боится и спокойно выходит на сцену. Раньше она мечтала быть японской актрисой, а теперь решила - только русской.

Беседовала
Елена
ЛЕВИНА.

Помню, мы репетировали «Самоубийцу» Эрдмана. Ночью. И стоял огромный гроб на сцене. Мы дорепетировались до того, что внезапно открылась дверь, по залу прошелся ветер, и я с перепугу свалилась в этот гроб. Мы решили, что это был дух Мейерхольда, и перестали репетировать.

ность что-то показать. Побежала в Театр Маяковского, у меня там подруга работает, мы с ней вместе придумали какой-то этюд, и Ремез меня взял, поверил и очень полюбил. Меня зачислили вольнослушателем, а через год я сдавала экзамены и поступала на общих основаниях.

- И вы даже не попытались обратиться за помощью к своей знаменитой родственнице - Светлане Немоляевой?

- Еще до моего поступления вышла шумная статья - «Дети богатых», там и обо мне писали, что закончила институт и уже работаю в театре. И все по благу. Моя тетка звонила в редакцию, ругалась, что, во-первых, Настя Немоляева не ее дочь, во-вторых, не поступала она ни в какой театральный институт. Что за чушь вы пишете оскорбительную? Я на самом деле никого о помощи не просила. Единственное, что могла, - попросить послушать отрывок и получить какой-то совет.

- Вы, конечно, мечтали о театре и о кино с пеленок, потому что росли в семье, где папа - Николай Немоляев - известный кинооператор, а мама - бывшая актриса?

- Семья у нас действительно киношная, но о театре я никогда не мечтала.